

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МИКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ ЦИКЛИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

Н. М. Розанова, А. Н. Комарницкая

Проблема государственной микроэкономической политики при изучении цикличности экономического развития не изучена в современной экономике и смежных областях науки. Данная работа дополнит список исследований, в которых рассматривается микроэкономический аспект колебаний в экономике. В статье демонстрируется влияние факторов микроуровня экономики на проявление в ней процессов экономического кризиса, а также воздействие государственной микроэкономической политики на стабилизацию экономики. Показана возможность использования оригинальной методологии для выявления связи между отраслевой политикой государства и темпом экономического роста.

Государственное регулирование экономики — одна из наиболее спорных областей экономической теории. Если в вопросе необходимости государственного вмешательства в рыночный механизм большинство экономистов пришли к некому консенсусу, то в отношении определения оптимальной государственной политики мнения расходятся.

Несмотря на большее внимание к изучению макропроцессов и влияния на них инструментов государственной макроэкономической политики, микроуровень экономики также оказывает воздействие на развитие экономики в периоды деловых циклов. Отраслевая политика стран как тип микроэкономической политики формирует базовые принципы функ-

ционирования рынков и отраслей, регулирует их развитие, обуславливает темпы роста национальной экономики.

На разных фазах экономического цикла государство может использовать инструменты промышленной политики для стабилизации экономики. Практика регулирования микроэкономических процессов с помощью механизмов отраслевой политики активно использовалась странами в период мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. Во время рецессии государства реализовывали меры микроэкономической политики, поддерживая рынки и отрасли, стимулируя потребление и развитие конкуренции. Выход стран из кризиса многие экономисты обосновывают макроэкономической политикой, однако анализ антикризисных программ показывает наличие мер микрорегулирования, и в частности отраслевой политики, вклад которых в стабилизацию экономики остается недооцененным.

Задача данной статьи заключается в том, чтобы проанализировать методы государственного вмешательства в экономические процессы микроуровня в контексте циклического развития экономики, а также выявить их влияние на степень изменения объемов ВВП на примере рецессии 2008–2009 гг.

Подходы к анализу экономических циклов

Экономисты начали изучать цикличность в развитии экономики с начала XIX в. Однако единого мнения относительно природы экономических циклов нет и до настоящего времени. С течением времени ученые обнаруживают все новые факторы, которые могут служить обоснованием колебаний в экономике.

Прежде всего, следует определить, что в экономической теории понимается под экономическим циклом. Одно из наиболее популярных и распространенных определений было дано А. Бернсом и В. Митчеллом [27]: «Бизнес-цикл — это тип колебаний в экономической активности в государстве, где деятельность, главным образом, сосредоточена на предприятиях» [28, с. 4]. Однако из данного определения сложно понять, что следует учитывать в термине «уровень экономической активности». Согласно более конкретизированному определению, «экономический цикл (бизнес-цикл) — это колебание совокупности показателей экономической деятельности, таких как занятость, объем продукции и уровень цен (розничных и оптовых)» [7, с. 203–204]. Причем автором данного определения — А. Хансеном [30] — отмечается, что цикличность в экономике подразумевает регу-

лярные и колебательные движения экономических показателей.

Множество взглядов на природу циклов можно разделить на две группы. К первой относятся теории, согласно которым колебания в экономике происходят из-за внешних шоков и не являются периодически повторяющимися; авторы теорий второй группы придерживаются общего мнения, что циклы являются неотъемлемой частью всего развития и повторяются с некоторой периодичностью. Для нас интерес представляют работы второй группы.

Классики экономической мысли — А. Смит, Д. Риккардо, Дж. Ст. Милль — не изучали цикличность как таковую, поскольку данная идея предполагает невыполнение главного закона экономики о том, что спрос всегда равен предложению (т. е. о существовании равновесия в экономике). В отличие от классиков, ряд экономистов придерживались мнения, что экономике свойственны колебания, однако причин подобных колебаний предлагалось значительное количество [29].

В силу произошедших колебаний в экономике США в XX в. — Великой депрессии — экономист Дж. М. Кейнс предложил теорию, согласно которой природа экономических циклов заключается в изменениях в совокупном спросе, вызванных, в свою очередь, «животными инстинктами инвесторов» [5, с. 146]. Однако Кейнс не пояснил, что скрывают в себе эти инстинкты, которые и определяют поведение инвесторов. Важным также был вывод, что государству отводится значительная роль в стабилизации экономики: в период спада государство должно проводить активную фискальную политику, увеличивая государственные расходы для стимулирования совокупного спроса. Теория деловых циклов Кейнса господствовала в экономике до 1970-х гг., когда она оказалась не в состоянии объяснить неуспешную попытку властей США применить выводы из эмпирической модели кривой Филипса об обратной зависимости уровня инфляции и уровня безработицы в стране.

Период 1970-х гг. принято считать началом новой эпохи в теориях делового цикла. В это время развиваются сразу несколько направлений: неокейнсианство и неоклассическая теория, — представители которых пытаются найти объяснение циклическим колебаниям в экономике. Новые классики строят теории деловых циклов на основе предпосылки о рациональности ожиданий экономических агентов и нахождения экономики в состоянии равновесия в любой период времени. В рядах

новых кейнсианцев некоторые рассматривают колебания в экономике как следствие ограниченного доступа к информации (Дж. Стиглиц, Дж. Акерлоф, М. Спенс), другие же поддерживают идею о длительной подстройке цен к равновесному уровню, а также продолжают изучение монетарных причин деловых циклов [7, с. 75].

В настоящее время наибольшую популярность получила теория «реальных деловых циклов» (real business cycle theory), сформулированная представителями новых классиков — Ф. Кидландом и Э. Прескоттом [36, 40]. Теория реальных деловых циклов послужила ответом на несостоятельность кейнсианской теории циклов. В своей работе Р. Лукас [37] представил следующую критику теории Кейнса: она не учитывала оптимальное поведение экономически агентов с рациональными ожиданиями. Именно на основе данного фактора и построили модель «реальных бизнес циклов» Кидланд и Прескотт.

Суть теории «реальных деловых циклов» можно сформулировать следующим образом: каждый экономический агент ведет себя рационально и принимает решения, исходя из своих предположений относительно будущего развития событий в экономике. В отличие от кейнсианского подхода, представители новых классиков — Кидланд и Прескотт — рассматривают экономику как динамическую модель, которая в каждый отдельный момент времени находится в равновесии. Однако в экономике могут возникать ситуации, когда происходит нарушение устойчивого равновесного состояния. Причинами подобных колебаний экономисты выделили изменения «реальных» факторов, например, производительности труда, мировых цен на нефть, реального объема ВВП, уровня занятости и др., а не колебание номинальных показателей и совокупного спроса, на чем настаивали представители кейнсианского направления.

Модель «реальных деловых циклов» основывается также на предположении о гибкости цен и заработной платы: указанные показатели при необходимости изменяются так, чтобы обеспечивать постоянное равновесие рынка. Важно отметить, что аналогичное допущение существует и при микроэкономическом анализе. Следовательно, «теория реальных бизнес-циклов обеспечивает единство микро- и макроэкономического анализа» [14, с. 566].

Примечательно, что в теории «реальных деловых циклов» государству отводится самая минимальная роль регулятора и участника эко-

номических отношений. Кидланд и Прескотт настаивали на том, что экономика сама способна справиться с любыми отклонениями от равновесного состояния и вмешательство государства должно быть максимально сокращено. В этом их теория и укладывается в классическую парадигму [5, с. 6].

Несмотря на популярность теории Кидланда и Прескотта, некоторые экономисты подвергают ее критике. В работе Л. Саммерса отмечается четыре главных недостатка теории «реальных деловых циклов». Прежде всего, некоторые параметры экономического роста, которые Прескотт и Кидланд включили в свою модель, являются достаточно спорными: «Прескотт не приводит очевидных доказательств предпосылки об эластичности межвременного замещения в предложении рабочей силы» [43, с. 24]. Кроме того, не существует независимых доказательств главной гипотезы Прескотта о том, что в основе бизнес-циклов лежат причины технологического характера. Саммерс также отметил, что Прескотт и Кидланд построили свою модель на достаточно спорной предпосылке о нейтральности денег, согласно которой монетарная политика государства не влияет на реальные показатели. Помимо этого, Прескотт не включил в модель такой показатель как уровень цен, в то время как заработная плата и процентные ставки являются одними из основных параметров в его модели. Саммерс приходит к выводу, что «модель „реальных деловых циклов“, описанная Прескоттом, не обеспечивает убедительных обоснований циклических колебаний в экономике» [43, с. 25].

В работе Л. Григорьева и А. Иващенко отмечается, что современные взгляды на изучение деловых циклов отнюдь не совершенны. Авторы приводят критику Р. Солоу, который акцентирует внимание на слабом микроэкономическом обосновании, свойственном всем моделям динамического стохастического общего равновесия (к числу которых относится теория «реальных деловых циклов») [4, с. 42]. Таким образом, один из авторитетных экономистов признает, что существующие модели далеко не совершенны и зачастую не подкреплены доказательствами микроэкономического уровня.

В экономической теории принято выделять несколько типов циклов в зависимости от их продолжительности во времени. Наиболее длительные циклы составляют сто и более лет. Следующие по продолжительности циклы длятся 47–60 лет; они были исследованы Н.Д. Кондратьевым [8] и названы в его честь

длинными волнами Кондратьева. В качестве причин возникновения подобных волн в экономике Кондратьев рассматривал динамику капитальных инвестиций, изучая также динамику технологических инноваций [9, с. 191]. Дальнейшее развитие теория Кондратьева получила в работах И. Шумпетера [42, р. 250], который выделил 4 фазы кондратьевского цикла: процветание; рецессия; депрессия и оживление (возрождение). По мнению Шумпетера, основная природа длинных циклов заключается во внедрении нововведений и инноваций [23, с. 374].

Следующие по продолжительности циклы были исследованы С. Кузнецом [35], который рассматривал демографические процессы, в частности иммиграционные потоки, и изменения в уровне строительства как два ключевых фактора, обуславливающих феномен цикличности. Продолжительность циклов Кузнеца варьируется от 15 до 25 лет.

Среднесрочные экономические циклы продолжительностью от 7 до 11 лет, были обнаружены и исследованы К. Жугляром и названы в его честь. В настоящее время наибольшее внимание уделяется именно этому виду циклов, которые также принято называть бизнес-циклами, возникающими в силу существования инноваций и инвестиций.

Самые краткосрочные экономические циклы рассмотрел в своей работе Джон Китчен [33], по мнению которого, короткие волны длятся 3-4 года и возникают из-за запоздания в движении информации [34, с. 12] между экономическими агентами. Таким образом, циклы возникают в силу существования временного лага, поскольку фирмы не могут получать информацию и принимать необходимые решения достаточно оперативно.

Существует несколько типов экономических циклов, но они не являются взаимоисключающими. Напротив, Кондратьевская волна может включать в себя несколько циклов Жугляра или Китчина. К подобному выводу пришли А.В. Коротаев и С.В. Цирель [34, с. 57] при изучении мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. Авторы попытались «уложить» кризис XXI в. в существующие типы экономических циклов. В результате проведенного исследования, они выявили наличие нескольких волн Кондратьева и циклов Жугляра в динамике мирового уровня ВВП в период с 1870 г. по 2009 г.

Микроэкономический аспект экономических циклов

В последние десятилетия интерес к экономическим циклам необычайно возрос. Самые последние исследования посвящены мировому финансово-экономическому кризису, а также его проявлениям в разных странах. Однако, несмотря на значительное количество работ по изучению экономических циклов, практически все они сосредоточены на изучении данного вопроса в рамках макроэкономики. Причина вполне очевидна: в науке принято подразделять экономику на микро- и макроуровни, причем каждый уровень занимается изучением «своих» областей. Микроэкономика изучает поведение отдельных экономических агентов и функционирование отраслей и рынков, макроэкономика смотрит на экономику в целом, оперируя агрегированными показателями. Анализом циклического развития экономики, как правило, занимаются в рамках макроэкономики.

Однако следует помнить, что в основе макропоказателей лежат факторы микроуровня. Например, каждая фирма выпускает какую-либо продукцию или оказывает услуги, из совокупности таких показателей затем формируется макроэкономический показатель объем промышленного производства в экономике. Другой яркий пример: взаимосвязь между показателями уровня безработицы, уровня занятости и политики фирм в области найма персонала, количества работников в фирме.

С точки зрения изучения циклического развития экономики, микроэкономические показатели и процессы также занимают не последнее место при изучении природы циклов и их влияния на экономику. Исследуя колебания в экономике, экономисты изучают (в разных целях и с использованием разных инструментов анализа) такой макроэкономический показатель, как объем ВВП. Данный показатель формируется в значительной степени за счет потребления экономических агентов. Колебания совокупного объема потребления в экономике рассматриваются в качестве одних из важнейших на разных фазах экономического цикла. Вопрос об уровне потребления каждый участник экономических отношений решает для себя самостоятельно. Как и на основании каких факторов экономические агенты принимают это решение, изучает микроэкономика. Таким образом, важно понимать, что показатели микро- и макроуровня изучаются во взаимосвязи.

Принимая во внимание мнения некоторых экономистов, можно заключить, что од-

ним из наиболее важных факторов циклического развития экономики является уровень симметричности информации. Наличие асимметричной информации ведет к существованию дисбалансов в процессе принятия решений. Причина подобного явления в том, что экономические агенты не обладают полной и достоверной информацией о своих контрагентах. Следовательно, одна из сторон может использовать больший объем информации в собственных целях. В результате чего возникают неблагоприятный отбор и моральный риск. Кроме того, по причине существования асимметричной информации возникают временные лаги, поскольку экономические агенты не могут принимать свои решения незамедлительно [34, с. 14]. Это, в свою очередь, провоцирует новую волну ожиданий других субъектов экономических отношений. Асимметрия информации может быть рассмотрена в качестве одного из микроэкономических факторов, который может влиять колебания в экономике.

Поведение экономических агентов — другой микроэкономический фактор, влияющий на циклическое развитие экономики. Как отмечалось ранее, теория «реальных деловых циклов» основана на гипотезе, что оптимальное поведение экономических агентов с рациональными ожиданиями является одним из определяющих факторов бизнес-циклов. Данное положение видится вполне логичным, поскольку, принимая решения о своих будущих действиях, субъекты экономических отношений основываются на своих ожиданиях относительно будущего развития событий в экономике. Например, если потребитель ожидает резкого роста цен на определенный вид товаров, то он, вероятнее всего, будет увеличивать потребление данных товаров в настоящем, тем самым повышая размер собственного потребления и сокращая величину своих сбережений. Учитывая приведенные аргументы, можно заключить, что ожидания агентов могут послужить причиной значительных изменений в экономике.

Экономические процессы и показатели вызывают циклические колебания в экономике, но в то же время и сам циклический характер экономического развития влияет на динамику ряда показателей как макро-, так и микроуровня. Однако далеко не все экономические процессы подвержены проявлениям колебаний, а в ряде факторов наблюдаются изменения, полностью противоположные действующей фазе экономического цикла. Подробнее влияние циклическости экономики на макро- и

микроэкономические показатели рассмотрел А. Бернс [26]. Он отметил, что такие показатели, как инвестиции коммерческих банков и финансовые счета корпораций, имеют контрциклическую динамику.

Кроме того, по справедливому замечанию Бернса, разные экономические показатели проявляют различный уровень циклическости: «Объемы промышленного производства колеблются сильнее, чем уровень промышленных оптовых цен, которые, в свою очередь, проявляют большие циклические колебания, чем уровень розничных цен или уровень заработных плат» [26, с. 22]. Автор сравнивает и степень колебаний ряда других показателей, например, дохода потребителей и размера их расходов: первый показатель колеблется сильнее, чем второй, однако величина частных сбережений демонстрирует еще большие колебания, чем доходы индивидов. Подытожим основные выводы Бернса: циклическость является не только свойством экономики в целом, но также и ряда экономических факторов и процессов, в том числе и на микроуровне.

Современные экономисты продолжают изучение существования циклическости в экономических показателях. В большинстве случаев исследования касаются изучения указанного явления в макроэкономических факторах, например, в инфляции, объемах ВВП, уровне безработицы и т. д. Однако некоторые работы посвящены выявлению циклическости в динамике показателей микроуровня. В частности в работе С.В. Смирнова оценивается влияние колебаний в экономическом развитии на показатели промышленного производства. Принимая во внимание предыдущие исследования по данной теме, а также собственный анализ, Смирнов приходит к выводу, что промышленность является наиболее чувствительным к циклическим колебаниям сектором экономики. Кроме того, он выявил схожую черту для экономик двух стран — России и США — тесную связь между двумя видами циклов: производственным и экономическим [24, с. 186].

Изучением бизнес-циклов с привлечением элементов микроэкономического анализа занимаются представители австрийской экономической школы. В работе Н.М. Ротбарда описывается механизм возникновения волн в экономике. Согласно логике австрийской школы, экономические циклы возникают из-за кредитной экспансии со стороны банков — коммерческие банки начинают выдавать кредиты, не обеспеченные сбережениями. Механизм, который по своей сути более чем напоминает

принцип финансовой пирамиды. Банковский сектор выбрасывает новые кредиты на кредитный рынок, в результате чего рыночная ставка по кредитам снижается, делая займы более доступными. Пользуясь невысокими процентными ставками, предприниматели начинают использовать данный финансовый инструмент и вкладывают полученные средства в новые, более длительные и капиталоемкие инвестиционные проекты. Инвестирование, главным образом, происходит в отраслях, которые оторваны от реальных нужд потребителей — это и выступает основным просчетом и почвой для будущего краха. Поскольку предприниматели получили кредиты, которые не обеспечены сбережениями (то есть потребители не делают свои вклады в банки, а значит у них фактически остается больше денежных средств на руках, чем в случае обеспечения кредитов сбережениями), при росте потребления в сфере отраслей, более близких к потребителю, предпринимателям станет очевидно, что запущенные ими инвестиционные проекты окажутся ошибочными. Тем не менее, эти проекты придется либо закрыть, но в этом случае необходимость возврата кредита по-прежнему существует у предпринимателя, либо продолжить инвестировать в них, привлекая дополнительные кредиты. Однако у банков, которые и так предоставляли кредиты, не обеспеченные сбережениями, нет такого количества средств. В итоге ошибочные представления и ожидания предпринимателей, воспользовавшихся доступными кредитами, приводят к экономическому спаду и дальнейшей депрессии [41].

Представители австрийской школы также подробно описывают микроэкономические процессы, которые вызваны произошедшей кредитной экспансией. В книге Хесуса Уэрта де Сото выделяется и разбирается ряд микроэкономических последствий кредитной экспансии: рост цен первичных средств производства (труда и природных ресурсов); повышение цен на потребительские блага, существенный относительный рост бухгалтерской прибыли предприятий, работающих в отраслях и на стадиях более близких к конечному потребителю; повышение процентных ставок по кредиту, бухгалтерские убытки в компаниях, которые действуют на стадиях, более отдаленных от потребителя [25, с. 275-285]. Де Сото демонстрирует, как механизм кредитной экспансии запускает последующие микроэкономические процессы, которые непосредственно и приводят к возникновению сначала стадии бума, затем спада и депрессии.

Мировой экономический кризис 2008–2009: микроэкономические причины

Изучение микроэкономических основ циклического развития экономики стало особенно интересно экономистам в последнее время. Причина подобного внимания к микроуровню экономики — невиданный ранее по своим масштабам и последствиям экономический кризис 2008–2009 гг. Во многих современных исследованиях внимание сфокусировано на макроэкономических причинах мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. Однако в некоторых работах уделяется внимание событиям микроуровня, которые также послужили основанием возникновения и развития рецессии.

А.Л. Кудрин в своей работе выделяет микроэкономические факторы, которые способствовали наступлению кризиса сначала в США, а затем и во всем мире. Во-первых, он отмечает развитие новых финансовых инструментов, главным образом, структурированных производных облигаций (облигации, позволяющие снизить риски за счет их распределения между инвесторами и обеспечения правильной оценки). Во-вторых, по мнению А.Кудрина, усилившаяся асимметрия информации послужила причиной того, что кредитные организации не могли выявлять потенциально неплатежеспособных заемщиков [11, с. 9-10]. Эти факторы привели лишь к увеличению рисков на финансовом рынке США.

В работах другого экономиста — А. Несветайловой, посвященных исследованию причин мирового финансового кризиса, также выделяется ряд микроэкономических факторов и процессов, которые способствовали возникновению и развитию кризиса. Автор приводит классификацию существующих взглядов на природу мирового кризиса XXI в., в которой выделяет 3 группы [15, с. 107-108]. К первой относятся теории и мнения о глобальных дисбалансах, а точнее о структурных причинах кризиса. Вторая группа содержит причины промышленного, рыночного и политического характера. Из данной группы экономистами чаще всего упоминается секьюритизация и ресекьюритизация, наряду с ошибками и провалами финансового менеджмента в качестве основополагающих причин экономического спада и краха кредитного рынка. Несветайлова в наибольшей степени поддерживает третью группу факторов — поведенческие причины кризиса. По ее мнению, недостаток профессионализма и некомпетентность, а также возрастающее оппортунистическое поведение (моральный

риск, неблагоприятный отбор) создали условия, при которых финансовые институты выдавали кредиты потенциально ненадежным заемщикам [16, с. 40–41]. Более того, автор подчеркивает, что общей для всех трех групп причин мирового финансового кризиса является признание финансовых инноваций виновником кризиса.

Помимо рассмотренных причин кризиса, в которых можно выделить микроэкономическую основу, существует еще одно объяснение природы мирового финансового кризиса — теория «финансовой хрупкости» Х. Мински. Согласно данной теории стабильность (первый период) ведет ко второму периоду — нестабильности, поскольку в первом периоде экономические агенты становятся более оптимистичными и не способны оценить реальные риски кредитования. Другими словами, в период стабильности увеличивается число заемщиков, склонных к риску. Данное явление было названо «парадоксом спокойствия» Мински [12]. Следует отметить, несмотря на то, что теория «финансовой хрупкости» Х. Мински приобрела значительную популярность в связи с событиями 2008 г., существуют основания для ее критики и признания ее, не включая ряд важных показателей и факторов. Подробный анализ взглядов на преимущества и недостатки теории Х. Мински приведен в работе А. Несветаевой [17].

В своей работе Х. Мински описывал следующую последовательность возникновения «хрупкой» финансовой системы. В периоды финансовой стабильности начинает трансформироваться способ финансирования от обеспеченного (хеджевого) к спекулятивному. Затем спекулятивное финансирование перерастает в «понци-финансирование», которое также известно как создание финансовых пирамид. Подобный переход является логическим следствием роста процентных ставок. При «понци-финансировании» текущие денежные поступления не могут обеспечить выплату процентов по долгу, что ведет к необходимости постоянно наращивать объемы задолженности финансового института [21]. Именно возрастающее число высокорисковых кредитов создает «хрупкую» финансовую систему, которая может разрушиться при провале хотя бы одной фирмы или финансового института [38]. В действительности это и произошло в США в 2007 г., когда лопнул пузырь на рынке ипотечного кредитования.

Существующие теории циклического характера экономического развития показывают

невозможность выделения единственной теории, которую бы поддержали все экономисты, поскольку в рамках различных экономических школ происходит собственная трактовка циклических колебаний в экономике. Другой важный вывод состоит в том, что экономистам важно уделять внимание и изучать экономические циклы в разрезе микроуровня экономики. Микроэкономические факторы и процессы могут служить причиной достаточно сильных изменений в экономике в целом. Ряд современных экономистов придерживаются мнения, что именно определенные процессы микроуровня привели к возникновению кредитного, а затем и экономического кризиса в 2008–2009 гг.

Государственная антикризисная политика на микроуровне в период мирового экономического кризиса 2008–2009 гг.

Вариативность государственной экономической политики в периоды циклических колебаний лучше всего рассмотреть на реальном примере одной из ярчайших фаз цикла, свидетелями которой все страны стали в 2008 г. — мирового экономического кризиса. Уникальность кризиса заключалась в том, что в силу высокого уровня глобализации он затронул не одну или две страны, а десятки. В период набирающего масштабы ипотечного кризиса в США уже возникли признаки того, что и другие страны также подвергаются данному процессу. Впоследствии правительства были вынуждены принимать незамедлительные меры для поддержания национальной экономики.

В книге П. Кругмана проводится анализ экономической политики государств за последние десятилетия, в результате которого он приходит к выводу, что использование стандартного рецепта Кейнса — повышение государственных расходов — не помогло странам, например, в период Азиатского кризиса, и не принесло ожидаемых результатов по выходу из понижательной стадии цикла. Кругман отмечает, что к мерам, предложенным Кейнсом, следует также добавить некоторые инструменты, предложенные монетаристами, например, увеличение денежной массы, то есть использование стимулирующей кредитно-денежной политики в сочетании со стимулирующей фискальной политикой [10].

Справедливо отметить, что кейнсианский рецепт был панацеей для стран, столкнувшихся со спадом в экономике, на протяжении многих лет вплоть до мирового экономического кризиса XXI в. В период рецессии 2008–

2009 г. государства начали использовать кейнсианский набор механизмов с элементами мер, предложенных монетаристами, для выхода из фазы спада, однако вскоре столкнулись с тем, что только эти меры не способны восстановить экономику.

В качестве одного из возможных объяснений несостоятельности модифицированного рецепта Кейнса можно рассмотреть позицию Н.М. Селицкой. Она отмечает, что Кейнс описывал набор мер, пригодных для выхода США из Великой депрессии (и тогда они сработали). В период мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. те же самые меры, которые с успехом были использованы в США, начали применяться в разных странах. Решающим фактором явилось то, что в условиях глобализации достаточно сложно представить ситуацию, когда возможно применить одинаковый набор мер государственной экономической политики в странах с разным уровнем экономического развития [23, с. 182]. Поэтому, по мнению Селицкой, кейнсианский рецепт и не принес тех положительных результатов, которых от него ожидали.

Перечислить всю совокупность мер государственного регулирования экономики в период мирового экономического кризиса достаточно объемная задача, однако в работе В. Мау [13] представлена вполне четкая классификация тех инструментов экономической политики, к которым прибегали разные страны. Рассмотрим те мероприятия, которые интересны с микроэкономической точки зрения.

Одним из направлений государственного регулирования экономики стала поддержка реального сектора, включающая [13, с. 23]:

- поддержку отдельных отраслей (например, в США: автомобилестроение и «новая» энергетика и энергосбережение; во Франции: автомобилестроение, «новая» энергетика и энергосбережение, транспортная инфраструктура; в Китае: экспорт, автомобилестроение, транспортная инфраструктура, жилищное строительство, инновационные технологии, АПК);

- регулирование размера налогов (снижение — Германия, Китай, Франция и др.; повышение — Литва);

- поддержку малого и среднего бизнеса (Германия, Япония, Китай и др.);

- создание специальных бюджетных фондов (Франция, Бразилия и др.);

- рост государственных заимствований (Германия, Франция, Норвегия, Япония);

В дополнение к указанным мерам в ряде стран были реализованы программы по под-

держке рынка труда: программы переобучения и адаптация граждан, потерявших работу (США, Канада, Греция, Италия); в Германии государство достигло договоренности с частным сектором о несокращении работников.

Важно отметить, что направления государственной антикризисной политики в значительной степени зависели от того, какие из секторов экономики являются ведущими. Например, из-за высокой роли финансового рынка в экономиках США и Великобритании правительства этих стран приняли соответствующее решение: основная задача на краткосрочную перспективу — поддержка финансового сектора. В странах, экономики которых в большей степени зависят от банковского сектора — Германии, Японии, Китае, — основная цель антикризисных мер состояла в расширении доступа банков к дополнительной ликвидности [2, с. 75].

Мировой экономический кризис оказал влияние на развитие экономик многих стран, в том числе и России. В работе И.В. Бережного отмечается, что кризисные явления способствовали замедлению формирования конкурентной среды в России. Автор отмечает, что, несмотря на активные рыночные реформы, экономике России все еще присущи черты, ограничивающие развитие конкуренции: административные барьеры, наличие таможенных тарифов, не являющихся необходимостью с точки зрения фискальной или торговой политики, дисбаланс между темпом и качеством развития инфраструктуры и требованиями частного сектора, например, дефицит мощностей естественных монополий [3, с. 27–28] и др.

Главный вывод, к которому приходит Бережной — государственная экономическая политика в сфере стимулирования развития конкуренции в российской экономике и на отдельных рынках должна быть ориентирована, в первую очередь, на создание новых рыночных агентов — предприятий. Следует отметить, что подобная рекомендация выглядит весьма неточной, поскольку одно только увеличение числа участников на рынке не приведет к повышению конкуренции. Необходимо обеспечить реструктуризацию существующего порядка на ряде региональных рынков, на которых, как отмечает сам Бережной, действуют олигополистические рыночные структуры. Кроме того, конкурентный рынок может быть менее эффективен, чем рынок с ограниченной конкуренцией, что также должно быть учтено при повсеместном желании власти повысить конкуренцию на различных рынках.

Анализ мер государственной макро- и микроэкономической политики, в частности, в период экономического спада, позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, оба вида государственной политики невозможно рассматривать обособленно друг от друга, в конечном итоге любой инструмент экономической политики окажет влияние на экономических агентов, модифицируя их поведение. Во-вторых, несмотря на большее внимание среди экономистов к мерам макроэкономической политики при изучении цикличности экономического развития, инструменты микроэкономического регулирования также оказывают влияние на прохождение фаз цикла. Наконец, в периоды рецессий и роста государства активно используют меры микроэкономической политики для стабилизации экономики, причем как для достижения самостоятельных целей, так и для подкрепления макроэкономической политики в стране.

Инструменты отраслевой политики, применявшиеся в период кризиса

Среди всех инструментов государственной стабилизационной политики отраслевая политика занимает не последнее место. Следует отметить, что в данной работе в качестве отраслевой политики будут рассматриваться как прямая финансовая помощь различным отраслям и (или) компаниям, так и изменение соответствующего законодательства, налоговой системы и другие меры, непосредственно связанные с рынками в национальной экономике. Таким образом, мы нестрого разделяем понятия промышленной и отраслевой политики.

Проанализируем отраслевую политику России, США, Китая в период мирового экономического кризиса 2008–2009 гг.

В России меры антикризисной политики начали активно применять с ноября 2008 г.¹ Комплексное описание всех направлений и инструментов данной политики было представлено в утвержденной в 2009 г. Правительством РФ «Программе антикризисных мер Правительства Российской Федерации на 2009 год», в которой также приведен перечень мер, реализованных в 2008 г. [20].

Общую сумму бюджетных средств, которое Правительство РФ потратило на реали-

зацию указанной Программы, назвать достаточно сложно. Согласно экспертным оценкам, общая сумма средств, выделенных государством на реализацию антикризисных мер в период 2008–2009 гг., составила более 2 трлн руб., причем на всю совокупность мер промышленной политики было потрачено порядка 70% конечного показателя [18, с. 6]. Другие же экономисты считают, что в период 2008–2009 гг. государство потратило порядка 12–14% ВВП [1, с. 46–47]. Однако в действительности невозможно оценить в денежном выражении всю совокупность реализованных Правительством РФ и Центральным банком РФ мер по преодолению кризиса в российской экономике, поскольку большинство мер носили нематериальный характер, например, институциональные изменения, изменения в налоговой системе. Более того, ряд мероприятий был рассчитан на последующую реализацию после 2009 г., следовательно, их совокупная стоимость значительно возрастает.

Среди семи приоритетов, заявленных в Программе, к отраслевой политике можно отнести определенные мероприятия в рамках шести из них: сохранение и развитие промышленного и технологического потенциала для будущего роста, активизация внутреннего спроса на российские товары, стимулирование инноваций и структурная перестройка экономики, создание благоприятных условий для экономического подъема за счет совершенствования важнейших рыночных институтов, снятия барьеров для предпринимательской деятельности, формирование мощной финансовой системы как надежной основы для развития национальной экономики.

Проанализировав направления антикризисной программы Правительства РФ, мы выявили, что порядка 100 мер можно отнести к механизмам борьбы с экономическим спадом в рамках отраслевой политики государства. Причем если одни меры напрямую заявлены как поддерживающие промышленность в стране, то другие можно отнести к отраслевой политике лишь посредством анализа их конечного фактического получателя.

Основные мероприятия в рамках промышленной политики в России в период рецессии были направлены на поддержку определенных отраслей экономики: автомобилестроение, машиностроение, агропромышленный комплекс, рыбохозяйственный комплекс, рынки сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, железнодорожные перевозки, оборонно-промышленный комплекс

¹ С ноября 2008 г. по июнь 2009 г. антикризисные меры государства были нормативно закреплены в «Плане действий, направленных на оздоровление ситуации в финансовом секторе и отдельных отраслях экономики», утвержденном Председателем Правительства РФ 6 ноября 2008 года № 4863п-П13.

(ОПК), авиационный комплекс, лесохозяйственный комплекс, металлургическое производство, сфера торговли, топливно-энергетический комплекс, транспорт, пищевая и легкая промышленность, фармацевтика, жилищное строительство.

Большая часть мер, среди мероприятий как фискальной политики, так и монетарной политики, была сосредоточена на поддержке банковского сектора национальной экономики. Как отмечается экспертами, банковский сектор в России недостаточно развит, в то время как в развитых странах именно за счет функционирования этого сектора обеспечивается значительная часть роста в экономике.

Приведем несколько примеров конкретных инструментов в рамках отраслевой политики, которыми пользовалось Правительство РФ в период экономического кризиса:

- облегчение доступа предприятий к услугам банковского сектора (субсидирование процентных ставок по кредитам, субсидии на возмещение части затрат на уплату предприятиями процентов по кредиту, предоставление государственных гарантий и др.);

- регулирование тарифов на продукцию (услуги) естественных монополий;

- прямая государственная поддержка через увеличение финансирования федеральных целевых программ и непрограммной части федеральной адресной инвестиционной программы, государственных программ и др.;

- поддержка системообразующих предприятий страны через механизмы дополнительной капитализации, прямой государственной поддержки, государственных гарантий по кредитам;

- ослабление налогового бремени предприятий (снижение налога на прибыль с 24 до 20%, введение налоговых льгот для определенных организаций, освобождение от НДС операций по ввозу технологического оборудования, которое не производится в России и др.);

- «защита» отечественных производителей путем ужесточения таможенной политики государства (усиление таможенного контроля за импортом продукции черной металлургии);

- стимулирование экспорта (возмещение отечественным предприятиям-экспортерам части затрат на уплату процентов по кредитам, ускорение процедур таможенного оформления определенных товаров, увеличение максимального размера госгарантий РФ и др.);

- использование государственного заказа как механизма поддержки внутреннего спроса на определенный вид товаров (услуг);

- ограничение роста цен на социально-значимые категории товаров (усиление антимонопольного контроля в сфере торговли) и др.

Следует отметить, что в период кризиса в России правительство фактически поддерживало естественные монополии, не инициируя развития конкуренции в уже стандартных для них отраслях. Единственное, что предприняло правительство в этих сферах — регулирование роста тарифов (их более медленное увеличение относительно ранее запланированных темпов), а также компенсация монополистам недополученных доходов в результате снижения темпов индексации тарифов и предоставления льгот определенным категориям граждан. Таким образом, несмотря на заявленные мероприятия по развитию конкуренции, все же государство поддерживало концентрацию на определенных рынках, особенно в сфере деятельности естественных монополий.

С третьего квартала 2009 г. экономика страны начала постепенно восстанавливаться, демонстрируя положительные темпы прироста ВВП по сравнению с аналогичными показателями прошлого года. В 2010 г. ВВП страны уже превысил докризисный уровень (в текущих ценах), и звучали официальные заявления о том, что Россия вышла из кризиса. Несмотря на начало реабилитации экономики, Правительство РФ утвердило План по реализации основных направлений антикризисных действий и политики модернизации российской экономики Правительства Российской Федерации на 2010 г. (утвержден Председателем Правительства РФ 2 марта 2010 г. № 972п-П13). В целом, направления антикризисной политики были сосредоточены на продолжении ряда антикризисных мероприятий 2008–2009 гг. (активизация модернизационной повестки дня), а также на поддержании наметившихся положительных тенденций в экономике. Однако было объявлено о постепенном сокращении общего объема антикризисных мер и объема их финансирования.

Примечателен тот факт, что активизация в сфере конкурентной политики наблюдалась в России после преодоления низшей точки фазы спада для России. В период с 2009 г. по 2012 г. реализовывалась «Программа развития конкуренции в Российской Федерации на 2009–2015 гг.», вместо которой в 2012 г. Правительство РФ утвердило План мероприятий на 2013–2015 гг. «Развитие конкуренции и совершенствование антимонопольной политики» (распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2012 г.

№ 2579-р). Общая тенденция конкурентной политики в России заключается в формировании и развитии конкурентной среды на рынках, причем выделяются первоочередные меры, которые должны быть реализованы в рамках определенных отраслей: рынки лекарственных препаратов, медицинских услуг, нефтепродуктов, услуг связи и др.

Проанализировав основные антикризисные меры в рамках отраслевой политики в России, мы пришли к выводу, что, во-первых, в период экономического кризиса Правительство РФ и Центральный банк РФ поддерживали определенные отрасли российской экономики, в числе которых особое значение имела поддержка слабо развитого банковского сектора. Во-вторых, государственная отраслевая политика была сосредоточена на поддержке крупных предприятий, что не способствовало стремлению правительства модернизировать российскую экономику. В-третьих, в период кризиса государственная отраслевая политика носила компенсационный и протекционистский характер: значительные средства были направлены напрямую ряду предприятий и (или) отраслям, снижение налоговой нагрузки, субсидирование потерь в доходах естественных монополий, стимулирование экспорта, поддержка предприятий-экспортеров, изменение таможенных тарифов в пользу отечественных производителей. В-четвертых, государство не ставило своей задачей повышение конкуренции на ряде монополизированных рынках, наоборот, Правительство РФ поддерживало сферы действий естественных монополий, регулируя тарифы на их услуги и предоставляя естественным монополиям компенсацию за недополученные доходы. Наконец, сравнивая отраслевую политику России в период мирового экономического кризиса с мероприятиями среди других развитых и развивающихся стран, можно заметить, что Правительство РФ оказывало поддержку достаточно большому количеству отраслей, в то время как в другие страны сконцентрировались лишь на наиболее важных с точки зрения вклада в экономический рост страны отраслях и рынках. Таким образом, государственная поддержка отраслей в России носила рассредоточенный характер.

Антикризисная политика в США стала наиболее масштабной среди комплекса мер других стран по преодолению экономического спада. В связи сразу с несколькими развивающимися один за другим кризисами (кризис

ипотечного кредитования, кредитный кризис, переросший в финансовый) власти США были вынуждены в 2008 г. начать проводить активную политику стабилизации национальной экономики.

Наибольшие ресурсы были направлены на поддержание финансового и банковского секторов. Государство выделяло средства для спасения ряда финансовых институтов: благодаря предоставленному государственному кредиту «J. P. Morgan» купила финансовую компанию «Bear Stearns», предотвратив ее банкротство. Кроме того, ФРС выделяла дополнительные средства на поддержание банков и инвестиционных компаний, которые столкнулись с проблемой недостаточной ликвидности. Государство предотвратило банкротство таких компаний, как «Fannie Mae», «Freddie Mac», AIG (American International Group). Тем не менее, ряд банков не смогли пережить период кризисов в США и обанкротились (их общее число превышает 100).

Одним из приоритетных направлений отраслевой политики в США была поддержка жилищного рынка: государство запустило программу рефинансирования домовладельцев, которые были не в состоянии осуществлять ипотечные платежи. Более активное участие в стабилизации отраслей началось после принятия в 2009 г. закона о восстановлении экономики и возобновления инвестиций (American Recovery and Reinvestment Act of 2009), в соответствии с которым на восстановление экономики и социальной сфер планировалось потратить 787 млрд долл.

Согласно указанному закону, из государственного бюджета выделялись дополнительные средства для ряда секторов экономики: автомобильная промышленность (государственная помощь автоконцернам «Дженерал Моторс» и «Крайслер»), государственная программа по стимулированию спроса на более экологичные автомобили), транспортный сектор, судостроение, жилищный сектор. Большая часть запланированных государством инвестиций была направлена на развитие социальных сфер — образование, здравоохранение. Государство выделило порядка 7,6 млрд долл. на поддержку научных исследований и 50 млрд долл. на энергетику, в том числе инвестиции в инновационную деятельность в области повышения энергоэффективности. Кроме того, государство изменило налоговую политику и предоставило налоговые льготы, причем данный инструмент был больше рассчитан на потребителей, чем на компании.

Таким образом, промышленная политика в США в период кризиса 2008–2009 гг. была сконцентрирована преимущественно на поддержке двух секторов: банковского и финансового, другим отраслям была предоставлена ограниченная помощь. Государство сконцентрировало свои силы и бюджетные средства на поддержке крупнейших банковских и финансовых институтов, а также некоторых компаний-автоконцернов.

В отличие от многих стран, Китаю фактически удалось избежать рецессии: темп роста ВВП Китая лишь замедлился, но так и оставался положительным на протяжении 2008–2009 гг. Некоторые эксперты [32] заключают, что подобный эффект был достигнут, кроме прочего, благодаря государственной политике. Монетарные власти страны в 2007 г. и начале 2008 г. принимали меры по «остужению» рынка частной собственности, на котором году появились черты «раздувания пузыря», а ближе к концу 2008 г., наоборот, реализовывали смягчение кредитно-денежной политики для поддержания банковского сектора и стимулирования расширения кредитования в стране.

Более того, Китай разработал и реализовал программу, направленную на стимулирование экономики и социального развития, общая стоимость которой составила 585 млрд долл. Основное направление антикризисной политики Китая — стимулирование внутреннего спроса посредством его субсидирования в определенных отраслях. Например, для увеличения спроса в сфере продажи автомобилей государство снизило налог на некоторые транспортные средства, предоставило 10-процентную скидку на машины, которые приобретались жителями сельской местности. Кроме того, государство принимало активные меры по стимулированию экспорта, снижая таможенные пошлины, а также поддерживало отечественных производителей, предоставляя налоговые льготы. Основные отрасли, которые централизованно поддерживались в Китае в период мирового кризиса — это автомобилестроение, металлургия, машиностроение, легкая и текстильная промышленность, судостроение. Другое важное направление антикризисной политики в Китае — реструктуризация экономики в направлении развития высоких технологий и инноваций. По аналогии с США Китай видит основу будущего экономического роста в наукоемких отраслях.

Влияние отраслевой политики стран на темп роста ВВП в период 2008–2010 гг.: анализ регрессий

Оценить влияние тех или иных факторов на вклад в развитие экономического кризиса — одна из самых сложных, но в то же время и важных и интереснейших задач. В данном исследовании было принято решение проанализировать, как повлияла микроэкономическая политика стран в период мирового экономического кризиса на темп изменения ВВП. Для данной цели было использовано несколько показателей и выявлялось, существует ли зависимость между значением соответствующего показателя и темпом роста ВВП. Модели являются линейными регрессиями, для каждой из которых анализируется значимость коэффициента при регрессорах и описывается отсутствие или существование зависимости и ее вид. При построении регрессий были использованы данные из статистических баз международных организаций: Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Международный валютный фонд (МВФ) [31, 39].

Бюджетные расходы на реализацию антикризисной программы стран и темп роста ВВП. Прежде всего, наиболее интересным является выявление зависимости между расходами государства на отраслевую политику и темпом роста ВВП. Однако при построении подобной регрессии сразу возникает определенная проблема: отсутствие информации о сумме бюджетных средств, потраченных на промышленную политику в международных базах данных. Более того, проблематично выделить расходы именно на цели отраслевой политики среди стоимости всей программы антикризисных мер (не осуществляется среди стран и международных организаций).

В силу отмеченных ограничений было решено в качестве переменных использовать показатели категорий фискальной политики в 27 странах, рассчитанных ОЭСР. Инструментами фискальной политики являются меры двух групп: налоговые и бюджетные расходы. К числу мер налоговой политики отнесли мероприятия, направленные на индивидов, бизнес, конечное потребление, и меры, имеющие социальную направленность. В число инструментов, связанных с государственными расходами, входят расходы на поддержку потребления, инвестиций, а также выплаты бизнесу и домашним хозяйствам.

Как было рассмотрено ранее в работе, меры отраслевой политики имели форму непосред-

ственных выплат из государственного бюджета (в виде кредитов, участия в капитале и т. д.), а также смягчения налогового регулирования. В силу данных фактов мы посчитали целесообразным проанализировать зависимость между некоторыми показателями фискальной антикризисной политики, представленной в базе данных ОЭСР, и темпом роста ВВП. Поскольку указанные виды государственной политики оценивались за период с 2008 г. по 2010 г., мы рассчитали темп роста ВВП в соответствующих странах в 2010 г. по сравнению с 2008 г.

Для анализа было построено 5 регрессий для следующих мер налоговой и бюджетной политики: налоговое регулирование бизнеса, налоги на потребление, государственные расходы на конечное потребление, расходы на инвестиции, выплаты из бюджета бизнесу. Было принято решение не строить множественную регрессию для всех 5 инструментов, поскольку между мерами налогового стимулирования и использования государственных расходов возникала проблема мультиколлинеарности.

Приведем основные результаты анализа.

1. Налоги на бизнес (действие в командной строке программы STATA — рисунок 1).

Проведенные расчеты указывают на то, что исследуемая взаимосвязь между показателями темпа роста ВВП и налогообложением бизнеса существует при разумном уровне значимости. Причем эта зависимость имеет отрицательный знак, то есть при увеличении налогового бремени на предприятия темп роста ВВП страны снижается. Таким образом, можно заключить, что отраслевая политика государства, реализуемая посредством изменения налогового регулирования бизнеса, влияет на экономический рост.

2. Налогообложение конечного потребления (действие в командной строке программы STATA — рисунок 2).

Проведенные расчеты указывают на то, что исследуемая взаимосвязь между показателями темпа роста ВВП и налогообложением конечного потребления существует при разумном уровне значимости. Коэффициент при регрессоре имеет отрицательный знак, следовательно, зависимость принимает следующий вид: при увеличении налогообложения потребления темп роста ВВП страны снижается. На основе представленных данных можно заключить, что отраслевая политика государства, реализуемая посредством изменения налогового регулирования конечного потребления, влияет

на экономический рост, причем это влияние отрицательное.

3. Государственные расходы на инвестиции (действие в командной строке программы STATA — рисунок 3).

По приведенным расчетам можно утверждать, что, как и предполагалось, существует зависимость между государственными расходами на инвестиции и темпом роста ВВП в период с 2008 по 2010 гг. Коэффициент при переменной значим при любом разумном уровне значимости, причем выявленная зависимость имеет положительный знак, то есть с ростом доли государственных расходов на инвестиции в общем объеме ВВП на 1% темп роста ВВП увеличивается на 9,78%.

По результатам анализа данной регрессии можно заключить, что в период мирового экономического кризиса посредством использования бюджетных средств на инвестиции в целях стабилизации экономики страны стимулировали темп роста ВВП.

4. Государственные расходы на конечное потребление (действие в командной строке программы STATA — рисунок 4).

По полученным расчетам можно утверждать, что зависимость между долей государственных расходов на конечное потребление в ВВП и темпом роста ВВП действительно существует: коэффициент при регрессоре значим при любом разумном уровне значимости. Причем полученная зависимость имеет положительный знак, что означает: при росте доли государственных расходов на конечное потребление в ВВП на 1% темп роста ВВП увеличивается на 4,9%.

В данном случае можно сделать промежуточный вывод о том, что такой инструмент отраслевой политики, как стимулирование конечного потребления посредством увеличения государственных расходов на эту цель, способствует темпу роста ВВП страны.

5. Государственные выплаты бизнесу (действие в командной строке программы STATA — рисунок 5).

На основе полученных расчетов можно сделать вывод о том, что доля государственных выплат бизнесу в ВВП влияет на темп роста ВВП. Подобное заключение основано на том, что коэффициент при переменной «выплаты бизнесу» оказался значим при любом разумном уровне значимости. Поскольку данный коэффициент больше нуля, можно утверждать, что между регрессором и регрессантом существует положительная зависимость: при росте доли расходов на выплаты предприятиям

. regress GDP tax_bus

Source	SS	df	MS			
Model	170.481936	1	170.481936	Number of obs =	27	
Residual	2244.46434	25	89.7785736	F(1, 25) =	1.90	
Total	2414.94628	26	92.8825491	Prob > F =	0.1804	
				R-squared =	0.0706	
				Adj R-squared =	0.0334	
				Root MSE =	9.4752	

GDP	Coef.	Std. Err.	t	P> t	[95% Conf. Interval]	
tax_bus	-7.778621	5.644816	-1.38	0.180	-19.40434	3.847095
_cons	-7.413859	2.419454	-3.06	0.005	-12.39682	-2.4309

Рис. 1. Регрессия «Налоги на бизнес»

. regress GDP tax_cons

Source	SS	df	MS			
Model	185.007673	1	185.007673	Number of obs =	27	
Residual	2229.9386	25	89.1975441	F(1, 25) =	2.07	
Total	2414.94628	26	92.8825491	Prob > F =	0.1622	
				R-squared =	0.0766	
				Adj R-squared =	0.0397	
				Root MSE =	9.4444	

GDP	Coef.	Std. Err.	t	P> t	[95% Conf. Interval]	
tax_cons	-4.893081	3.397536	-1.44	0.162	-11.89044	2.104274
_cons	-5.370291	1.820475	-2.95	0.007	-9.11963	-1.620952

Рис. 2. Регрессия «Налогообложение конечного потребления»

. regress GDP exp_inv

Source	SS	df	MS			
Model	1057.41716	1	1057.41716	Number of obs =	27	
Residual	1357.52912	25	54.3011648	F(1, 25) =	19.47	
Total	2414.94628	26	92.8825491	Prob > F =	0.0002	
				R-squared =	0.4379	
				Adj R-squared =	0.4154	
				Root MSE =	7.3689	

GDP	Coef.	Std. Err.	t	P> t	[95% Conf. Interval]	
exp_inv	9.777625	2.21572	4.41	0.000	5.214265	14.34098
_cons	-11.0229	1.933608	-5.70	0.000	-15.00524	-7.040558

Рис. 3. Регрессия «Государственные расходы на инвестиции»

. regress GDP exp_cons

Source	SS	df	MS			
Model	408.917903	1	408.917903	Number of obs =	27	
Residual	2006.02837	25	80.241135	F(1, 25) =	5.10	
Total	2414.94628	26	92.8825491	Prob > F =	0.0330	
				R-squared =	0.1693	
				Adj R-squared =	0.1361	
				Root MSE =	8.9577	

GDP	Coef.	Std. Err.	t	P> t	[95% Conf. Interval]	
exp_cons	4.909407	2.174751	2.26	0.033	.4304238	9.38839
_cons	-5.034581	1.725929	-2.92	0.007	-8.589197	-1.479964

Рис. 4. Регрессия «Государственные расходы на конечное потребление»

. regress GDP trans_bus

Source	SS	df	MS			
Model	382.773114	1	382.773114	Number of obs =	27	
Residual	2032.17316	25	81.2869265	F(1, 25) =	4.71	
Total	2414.94628	26	92.8825491	Prob > F =	0.0397	
				R-squared =	0.1585	
				Adj R-squared =	0.1248	
				Root MSE =	9.0159	

GDP	Coef.	Std. Err.	t	P> t	[95% Conf. Interval]	
trans_bus	9.917116	4.570093	2.17	0.040	.5048334	19.3294
_cons	-7.165245	1.952451	-3.67	0.001	-11.18639	-3.144098

Рис. 5. Регрессия «Государственные выплаты бизнесу»

. regress GDP Prod_mark

Source	SS	df	MS			
Model	2111635.69	1	2111635.69	Number of obs =	40	
Residual	226305460	38	5955406.84	F(1, 38) =	0.35	
Total	228417095	39	5856848.6	Prob > F =	0.5551	
				R-squared =	0.0092	
				Adj R-squared =	-0.0168	
				Root MSE =	2440.4	

GDP	Coef.	Std. Err.	t	P> t	[95% Conf. Interval]	
Prod_mark	-359.5133	603.7556	-0.60	0.555	-1581.753	862.726
_cons	1906.261	1015.877	1.88	0.068	-150.2753	3962.797

Рис. 6. Сводный индикатор регулирования рынка товаров и услуг

. regress GDP prof_serv

Source	SS	df	MS			
Model	3997907.35	1	3997907.35	Number of obs =	37	
Residual	223528333	35	6386523.81	F(1, 35) =	0.63	
Total	227526241	36	6320173.35	Prob > F =	0.4342	
				R-squared =	0.0176	
				Adj R-squared =	-0.0105	
				Root MSE =	2527.2	

GDP	Coef.	Std. Err.	t	P> t	[95% Conf. Interval]	
prof_serv	-360.5835	455.7448	-0.79	0.434	-1285.795	564.6277
_cons	2155.53	1096.617	1.97	0.057	-70.72108	4381.782

Рис. 7. Сводный индикатор регулирования рынка профессиональных услуг

. regress GDP ener_transp_com

Source	SS	df	MS			
Model	1222039.45	1	1222039.45	Number of obs =	40	
Residual	227195056	38	5978817.26	F(1, 38) =	0.20	
Total	228417095	39	5856848.6	Prob > F =	0.6538	
				R-squared =	0.0054	
				Adj R-squared =	-0.0208	
				Root MSE =	2445.2	

GDP	Coef.	Std. Err.	t	P> t	[95% Conf. Interval]	
ener_transp_com	-226.9325	501.9515	-0.45	0.654	-1243.08	789.2151
_cons	1875.261	1231.434	1.52	0.136	-617.6469	4368.169

Рис. 8. Сводный индикатор регулирования энергетического, транспортного и коммуникационного секторов экономики

в ВВП на 1% темп роста ВВП увеличивается на 9,92%.

Таким образом, в данном случае наша гипотеза о влиянии отраслевой политики государства на темп экономического роста также подтвердилась на примере анализа зависимости между темпом роста ВВП в 2008–2010 гг. и долей государственных расходов на поддержку бизнеса в ВВП.

Представленная модель несовершенна и имеет ряд ограничений. Во-первых, выборка является достаточно маленькой: данные о расходах государства на антикризисную отраслевую политику в статистической базе ОЭСР представлены для ограниченного числа стран. Во-вторых, достаточно проблематично выделить государственные расходы именно на реализацию промышленной политики среди общей стоимости антикризисной программы для государства. В-третьих, некоторые инструменты отраслевой политики не могут быть оценены в денежном выражении, однако при этом они имеют непосредственное влияние на динамику макроэкономических показателей (например, меры конкурентной политики). В-четвертых, реализация промышленной политики может принести результаты не сразу, а с некоторым временным лагом, поэтому рациональнее рассматривать их влияние на динамику темпов роста ВВП за последующие годы. В-пятых, к отраслевой политике государства в конечном итоге можно отнести и ряд инструментов монетарной политики, применявшихся в странах, поскольку они оказали непосредственное влияние на развитие и стабилизацию банковского и финансового секторов.

Степень регулирования рынков и объем ВВП. Помимо использования мер налоговой и бюджетной политики в целях реализации отраслевой политики, государство также разрабатывает конкурентную политику. Интересно проанализировать, существует ли зависимость между степенью регулирования рынков со стороны государства и объемом ВВП.

Для проведения интересующего анализа были выбраны сводные индикаторы регулирования некоторых рынков, рассчитанные ОЭСР для 37–40 стран [39]. В качестве регрессоров использовались 3 сводных индикатора: регулирования рынка товаров и услуг, регулирования рынков профессиональных услуг, регулирования энергетического, транспортного и коммуникационного секторов экономики. Поскольку представленные индикаторы рассчитаны для 2008 г., то мы решили выяснить,

существует ли зависимость между степенью регулирования соответствующих рынков и объемом ВВП.

Каждый из перечисленных индикаторов отражает степень регулирования государством соответствующего рынка. Индикаторы принимают значение от 0, что соответствует наименее ограниченному рынку, до 6 — наиболее ограниченный рынок. Отмеченные показатели рассчитываются на основе оценки степени государственного контроля, регулирования цен на рынках, административных барьеров входа на рынок, а также барьеров осуществления торговли и инвестиций [44, с. 8].

Основные результаты анализа представлены ниже.

1. Сводный индикатор регулирования рынка товаров и услуг (действие в командной строке программы STATA — рисунок 6).

2. Сводный индикатор регулирования рынка профессиональных услуг (действие в командной строке программы STATA — рисунок 7).

3. Сводный индикатор регулирования энергетического, транспортного и коммуникационного секторов экономики (действие в командной строке программы STATA — рисунок 8).

По приведенным расчетам можно сделать вывод, что между каждым из трех индикаторов регулирования рынков и объемом ВВП зависимость существует при определенных условиях. В случае если принять уровень значимости равный 50%, степень регулирования рынка товаров и услуг и рынка профессиональных услуг влияет на объем ВВП, причем эта зависимость отрицательная, то есть чем выше степень регулирования указанных рынков, тем меньше объем ВВП.

Возможно, регрессии не отразили высокую степень зависимости между исследуемыми факторами в силу некоторых ограничений. Во-первых, зависимость между индикаторами регулирования рынков и объемом ВВП может быть нелинейной, тогда следует проводить более сложный анализ и выявлять вид связи. Во-вторых, данные, представленные в статистической базе ОЭСР, рассчитаны за 2008 г., в то время как страны начали изменять свою конкурентную политику преимущественно с 2009 г. В-третьих, выборка является достаточно маленькой, однако более полной информации в мировых базах данных найти не удалось.

Выводы, полученные из регрессионного анализа, и рекомендации по направлениям государственной экономической политики. На

примере анализа мероприятий в рамках промышленной политики в таких странах, как Российская Федерация, США и Китай, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в период кризиса страны активно поддерживали отдельные отрасли и рынки. Правительства стран направляли свою поддержку тем секторам и рынкам национальной экономики, которые в большей степени влияют на развитие экономики и могут оказать значительный вклад в рост ВВП.

Во-вторых, оказалось достаточно проблематично выделить меры антикризисной политики, которые являются инструментами отраслевой политики. Например, принимаемые в рамках монетарной политики решения (снижение ставки рефинансирования), в конечном итоге, оказывали непосредственное влияние на банковский сектор.

В-третьих, отраслевая политика в России, в отличие от мероприятий в США и Китае, носила весьма размытый характер. Если в США и Китае усилия были сконцентрированы на нескольких ведущих отраслях, то Правительство РФ принимало меры по поддержке порядка 15 секторов экономики, что привело к возникновению большого количества дополнительных задач для государственных органов власти, а также увеличило нагрузку на бюджет страны.

Для проверки гипотезы о том, имело ли влияние проведение промышленной политики в разных странах в период мирового экономического кризиса на темп роста ВВП, был использован регрессионный анализ. В качестве основных параметров были выбраны показатели фискальной антикризисной политики, рассчитанные международной организацией ОЭСР. Были построены 5 регрессий для таких показателей, как доля расходов в ВВП стран на меры изменения налогового регулирования для бизнеса и конечного потребления, а также доля расходов государственных бюджетов на конечное потребление, на инвестиции и выплаты. В результате анализа полученных расчетов были получены следующие выводы:

1) существует зависимость между каждой из указанных мер фискальной политики и темпом роста ВВП в период с 2008 г. по 2010 г.;

2) характер полученных зависимостей различается для мер налогового и бюджетного регулирования: использование инструментов налоговой политики приводило к снижению темпов роста ВВП, в то время как увеличение доли государственных расходов на бизнес, инвестиции и конечное потребление стимулировало темп роста ВВП;

3) полученные виды связи между мероприятиями государства в рамках бюджетной и налоговой политики и темпов роста ВВП согласуются с макроэкономической теорией.

В результате проведенного регрессионного анализа можно сделать следующий вывод: использование инструментов фискального регулирования, направленных на реализацию отраслевой политики, имело влияние на темп роста ВВП в странах в период экономического кризиса. Полученный вывод подтверждает гипотезу работы о влиянии отраслевой политики стран на темп роста ВВП в период мирового экономического кризиса.

В дополнение к описанным моделям, было принято решение проанализировать, имеет ли влияние степень регулирования отдельных рынков на объемы ВВП. В результате построения регрессий было выявлено, что такие сводные индикаторы, как регулирование рынка товаров и услуг и регулирование рынков профессиональных услуг, могут оказать влияние на объем ВВП. Более того, по итогам проведенных расчетов можно заключить, что чем выше степень регулирования указанных рынков, тем меньше объем ВВП страны, то есть между исследуемыми факторами наблюдается отрицательная зависимость. Третий изученный показатель — степень регулирования энергетического, транспортного и коммуникационного секторов экономики — оказывает значительно меньшее влияние на объем ВВП.

По результатам анализа можно заключить, что усиление степени регулирования рынков приведет к снижению объемов ВВП страны. Для смягчения подобного влияния государству необходимо стимулировать развитие конкуренции в отраслях и на отдельных рынках, чтобы уменьшить значение указанных индикаторов, что приведет к росту ВВП.

После проведения регрессионного анализа влияния отраслевой политики стран на темпы изменения их ВВП в период экономического кризиса 2008–2009 гг. целесообразно дать следующие рекомендации по разработке и реализации антикризисной политики государства. Прежде всего, рассматривая мероприятия по стабилизации экономики в периоды циклических колебаний, государство должно досконально анализировать, на какие группы экономических агентов окажет влияние каждое мероприятие, какие отрасли экономики следует поддерживать в первую очередь. Для многих стран актуальной является проблема высокой степени регулирования отдельных рынков.

Государству важно постоянно и целенаправленно принимать меры, повышающие конкуренцию в отраслях, а также предотвращать или минимизировать случаи нарушения законодательства в области антимонопольного регулирования.

Используя меры как монетарной, так и фискальной политики, государство ставит дополнительные цели и задачи перед орга-

нами власти, и, в конечном итоге, перед государственными служащими. Следовательно, для успешного выполнения намеченных антикризисных планов необходимо уделять внимание модернизации государственного управления с целью максимально оперативного исполнения мер по стабилизации экономики, а главное — поддержания экономического роста.

Список источников

1. *Алекашенко С., Миронов В., Мирошниченко Д.* Российский кризис и антикризисный пакет. Цели, масштабы, эффективность // Вопросы экономики. — 2011. — №2. — С. 23-49.
2. *Андрюшин С., Кузнецова В.* Денежно-кредитная политика центральных банков в условиях глобального финансового кризиса // Вопросы экономики. — 2010. — №6. — С. 69-87.
3. *Бережной И. В.* Государственная экономическая политика обеспечения конкуренции. Уровни, проблемы, инструменты // Journal of economic regulation (Вопросы регулирования экономики). — 2010. — Т. 1. — №1. — С. 23-32.
4. *Григорьев Л., Иващенко А.* Теория цикла под ударом кризиса // Вопросы экономики. — 2010. — №10. — С. 31-55.
5. *Замулин О.* Концепция реальных экономических циклов и ее роль в эволюции макроэкономической теории // Вопросы экономики. — 2005. — №1. — С. 144-153.
6. *Зикунова И. В.* Генезис и развитие теорий делового цикла в экономической науке // Вестник ЛГУ. — 2009. — №12. — С. 70-90.
7. *Классики кейнсианства: в 2 т.: — М.: Экономика, 1997. — 429 с.*
8. *Кондратьев Н. Д.* Большие циклы конъюнктуры // Вопросы конъюнктуры. — 1925. — Т. 1. — Вып. 1. — С. 28-79.
9. *Коротаев А. В., Цирель С. В.* Кондратьевские волны в мировой экономической динамике // Системный мониторинг. Глобальное и региональное развитие / Отв. ред. Д. А. Халтурина, А. В. Коротаев. — М.: Либроком, 2010. — С. 189-229.
10. *Кругман П.* Возвращение Великой депрессии? — М.: ЭКСПО, 2009. — 336 с.
11. *Кудрин А. Л.* Мировой финансовый кризис и его влияние на Россию // Вопросы экономики. — 2009. — №1. — С. 9-27.
12. *Лекция Жан-Поль Бетбеца в ГУ-ВШЭ, 2008 г. [электронный ресурс]. URL: <http://www.opec.ru/628736.html>.*
13. *Мау В.* Драма 2008 года. От экономического чуда к экономическому кризису // Вопросы экономики. — 2009. — №2. — С. 4-23.
14. *Мэнкью Н. Г.* Макроэкономика : пер. с англ. — М.: Изд-во МГУ, 1994. — 736 с.
15. *Несветайлова А.* За пределами политэкономии Мински. Ликвидность и финансовые инновации в контексте глобального кредитного краха // Вопросы экономики. — 2011. — № 6. — С. 107-122.
16. *Несветайлова А.* Загадки глобального кредитного краха, или об иллюзии ликвидности // Вопросы экономики. — 2010. — №12. — С. 33-58.
17. *Несветайлова А.* Экономическое наследие Хаймана Мински // Вопросы экономики. — 2005. — №3. — С. 99-117.
18. *Оценка антикризисных мер по поддержке реального сектора экономики / проект ГУ-ВШЭ, Межведомственный аналитический центр. — под рук. Симачева Ю. В., Яковлева А. А., Москва, март 2009, 64 с. [электронный ресурс]. URL: <http://www.hse.ru/data/943/184/1241/otsenka.pdf>*
19. *План действий, направленных на оздоровление ситуации в финансовом секторе и отдельных отраслях экономики, утв. Председателем Правительства РФ 6 ноября 2008 года № 4863п-П13 // Министерство экономического развития Российской Федерации [электронный ресурс]. URL: <http://www.economy.gov.ru/minrec/activity/sections/strategicPlanning/crisis/>*
20. *Программа антикризисных мер Правительства Российской Федерации на 2009 год, утв. Правительством РФ 19 июня 2009 г. [электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы Гарант.*
21. *Розмаинский И. В.* Посткейнсианство [электронный ресурс]. URL: <http://www.rosreferat.ru/economy/888.htm>.
22. *Рычаго А. А.* Анатомия кризисов в контексте теории длинных волн Н. Кондратьева: историко-педагогический аспект // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. — 2009. — №4. — С. 374-379.
23. *Селицкая Н. М.* Проблема выбора инструментов монетарной политики в условиях глобализации // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. — 2010. — №11. — С. 179-183.
24. *Смирнов С. В.* Циклические колебания промышленного производства в США и России. Причины различий // Экономический журнал ВШЭ. — 2010. — № 3. — С. 185-201.

25. *Уэрта де Сото Х.* Деньги, банковский кредит и экономические циклы / Пер. с англ. под ред. А. В. Куряева. — Челябинск: Социум, 2008.
26. *Burns A. F.* The Nature and Causes of Business Cycles/ The Business Cycle in a Changing World. — NBER, 1969. — P. 1-53 [electronic resource] URL: <http://papers.nber.org/books/burn69-1>.
27. *Burns A. F., Wesley C. M.* Measuring Business Cycles. — New York: National Bureau of Economic Research, 1946.
28. *Diebold F. X.* Measuring Business Cycles. A Modern Perspective // Review of Economics and Statistics. — 1946. — June, 1996.
29. *Haberler G.* Prosperity and Depression. A Theoretical Analysis of Cyclical Movements. — Geneva: League of Nations, 1937.
30. *Hansen A.* Business Cycles and National Income. — New York: W. W. Norton & Company, 1964. — 746 p.
31. IMF database [electronic resource]. URL: <http://www.imf.org/external/data.htm>.
32. IMF hails China's response to financial crisis. 2010-07-28 [electronic resource]. URL: http://www.chinadaily.com.cn/bizchina/2010-07/28/content_11061204.htm.
33. *Kitchin J.* Cycles and Trends in Economic Factors // Review of Economics and Statistics. — 1923. — No 1. — P. 10-16.
34. *Korotayev A. V., Tsirel S. V.* A Spectral Analysis of World GDP Dynamics: Kondratieff Waves, Kuznets Swings, Juglar and Kitchin Cycles in Global Economic Development, and the 2008–2009 Economic Crisis // Structure and Dynamics. — 2010. — No 4(1). — 60 p. [electronic resource]. URL: <http://www.escholarship.org/uc/item/9jv108xp>.
35. *Kuznets S.* Secular Movements in Production and Prices, Their Nature and their Bearing Upon Cyclical Fluctuations. — Boston : Houghton Mifflin, 1930. — 536 p.
36. *Kydland F., Prescott E.* Time to Build and Aggregate Fluctuations // Econometrica. — 1982. — No 50 (November). — P. 1345-1370.
37. *Lucas R. E.* Econometric Policy Evaluation. A Critique // Carnegie-Rochester Series on Public Policy. — 1976. — No 1 (1976). — P. 19-46.
38. *Mankiw N. G.* Real Business Cycles: A New Keynesian Perspective // Journal of Economic Perspectives. — 1989. — Vol. 3. — No 3. — P. 79-90.
39. OECD database [electronic resource]. URL: <http://stats.oecd.org>, <http://stats.oecd.org/index.aspx?r=121725#>.
40. *Prescott E.* Theory Ahead of Business-Cycle Measuremen // Carnegie-Rochester Series on Public Policy. — 1986. — No 25 (Autumn) — P. 11-44.
41. *Rothbard M. N.* America's Great Depression. Fifth edition. — Alabama: The Ludwig von Mises Institute, 2000. — 409 p.
42. *Schumpeter J. A.* Business Cycles. — New York, NY: McGraw-Hill, 1939. — Vol. 1.
43. *Summers L. H.* Some Skeptical Observations on Real Business Cycle Theory / Federal Reserve Bank of Minneapolis Quarterly Review. — 1986. — 10 (Fall). — P. 24.
44. Ten years of product market reform in OECD countries — insights from a revised PMR indicator / Wolf A., Wanner I., Kozluk T., Nicoletti G. Economics department working papers // ECO/WKP. — 2009. — No 36. — 61 p.

УДК 338.242.4

Ключевые слова: государственное регулирование, микроэкономика, экономический цикл, экономический кризис, отраслевая политика